

Сергей Хомутов

ГОДА НУЛЕВЫЕ

Книга новых стихов

**"Рыбинское подворье"
2011**

УДК 882-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Х 76

Хомутов С.А.

Х 76 **Года нулевые. – Рыбинск: Рыбинское
подворье, 2011. – 64 с.**

Третья книга своеобразной серии стихов Сергея Хомутова («Уходит эпоха», «В бреду реальности», «Года нулевые») тематически самым тесным образом связана с началом нового века, так называемыми «нулевыми годами». Несмотря на небольшой отрезок времени, прошедший с окончания XX столетия, нельзя не заметить особенностей этого десятилетия, о которых читатель пусть судит сам. Несомненно, поэт живет и переключкой с прошлым, и мотивами будущего, что также отражено в книге.

ISBN 5-85231-023-9

© С.А. Хомутов, 2011

© А.С. Хомутов, оформление, 2011

ОТ АВТОРА

В 2010 году, когда вышла книга «В бреду реальности», я думал, что, дополнив ею сборник «Уходит эпоха» (2009), исчерпал тему весьма непростых и даже трагических перемен. Но следующее за невероятно тяжелыми девяностыми десятилетие, нареченное «нулевыми годами», принесло немало новых разочарований и утрат. И не сказать о «наболевшем самом» было просто невозможно.

Обретенная, казалось бы, свобода внезапно потеряла значимость, в том числе и свобода слова, оказалась не востребованной в атмосфере духовной деградации. Высшими ценностями стали деньги, власть, положение в обществе, а не совесть, справедливость, доброта, милосердие. Для меня лично усугубил это разочарование уход из жизни многих друзей, близких и дорогих людей.

Из этих переживаний родились стихи, которые и определили выход книги «Года нулевые», надеюсь, последней в этой небольшой серии. Хотя загадывать не буду, поскольку не знаю, какие катаклизмы нас еще ожидают. Не хотелось бы видеть что-то еще более печальное, поскольку ждут издания уже написанные стихи о родных местах, природе, о том светлом, что еще сохранилось в окружающем мире, на чем и держится человеческая жизнь.

Сергей Хомутов

* * *

Где еще искать участие
И тепло,
 в какой дали?..
Родина — мое причастье,
Милость неба и земли.

Принимаю, принимаю
Всё,
 в чем грешен был и слеп,
И яснее понимаю,
Как безродный путь нелеп.

И сентябрьское цветенье
Удивительного дня —
Истинное обретенье,
Возрожденье для меня.

Нежность бабочек последних,
Желтых кленов красота...
Из метаний многолетних
Тянется душа сюда.

Видимо, пора согреться
У бревенчатой стены,
Отдышаться,
 оглядеться —
Чем года мои полны?

Осень.

Вечность золотая.

Грустного прозренья дни.

Родина!

Моя святая,

Странника не оттолкни.

2010

Хватало и святых, и ратников,
Доныне памятных имен,
Но мы-то

из восьмидесятников —

Из переломанных времен.
До середины жизни прожили
В одной стране,

а вот поди ж —

Не то искали да итожили
В тиши своих дворовых ниш;
Среди героев обозначенных,
Среди кумиров прописных...
Потом,

в годах переиначенных,

Познали прочих да иных.
Казалось, вольностью повеяло
И от небес, и от земли,
И поколение поверило,
Что к благоденствию пришли.
Когда вторая правда рухнула,
Что правдой тоже не была,
Другим концом

свобода ухнула,

В глухие дебри завела.
Теперь мы всё уже извели —
От новизны до крутизны —
И столько ненароком предали
Да продали за полцены.

Стерпев глумление стервятников,
Вновь ищем главные слова, —
Пускай мы

из восьмидесятников —

Наш век не делится на два.

Единая, необратимая,

Одна дорога нам дана,

Одна земля у нас

родимая,

И душенька всего одна.

2010

* * *

В чем и какие могут быть опаски
У кабинетов чинодральных лиц,
Когда уже все выплеснуты краски
На белизну полуночных страниц?

Когда зияет за твоей спиною
Такой протяжный ряд родных могил
И то, что сотворили со страной,
Сегодня видеть не хватает сил.

Кого еще бояться в мире грешном,
Коль дальше скорбной дали не сошлют, —
Поэтому брожу в просторе вешнем
И за уют приемлю неуют.

Пора сказать о наболевшем самом,
Коль скоро будет нечего терять
И не перед каким-то пятым замом,
А лично перед Господом стоять.

22 декабря 2010

* * *

Быть может, и не затуманишься
До слепоты и до бессилья,
Но только
 с чем ты, Русь, останешься,
Бесхозная моя Россия?

Еще недавно столь великая,
А в отдалении — Святая,
Теперь же — воровская, дикая,
Расхристанная и пустая.

И где в конце концов, убогая,
Ты обогреешься в недоле,
Измаянная, одинокая,
В безумной воле,
 как в неволе.

Лишенная глубокой памяти
Уже почти необратимо, —
Как будто нищая на паперти,
Где все тебя проходят мимо.

21 мая 2010

* * *

Ромашки да клевер в глубоких
заволжских лугах,
Березки да клены
вдоль пыльных и влажных тропинок...
Мне век доживать
на дарённых судьбой берегах,
Не мысля себе никаких отступных половинок.

Вдруг вспомнятся мама
и грустный, усталый отец,
И дедушка Гена привидится с бабушкой Ниной,
И домик наш старый,
однажды подгнивший вконец,
С большим чердаком,
оплетенным цветной паутиной.

Здесь первые книги я сам по складам прочитал,
В большом сундуке эти книги
хранились годами,
Здесь, на высоте,
я о странствиях тайно мечтал
И бредил открытыми в толстых томах городами.

Заволжье мое, ты останешься сказкой всегда,
Пусть жизнь обернулась в итоге
больной стороною,
Но прожиты нами счастливые, в общем, года
С моею огромною невероятно странною.

* * *

Поминаем друзей, поминаем,
С очевидностью всей понимаем,
Что и нам остается немного, —
Ощущение возраста строго.

Поминаем друзей, поминаем,
Словно души свои приминаем.
Стопка словно безмерная чаша,
В ней на доньшке — капелька наша.

2010

НАЗИДАНИЕ

Для стольких отведен трагический удел,
Судьба, она отнюдь не добренькая фея,
Но, если ни к петле, ни к пуле не успел,
Другая боль грядет —

жить, медленно мертвея.

И видеть страшный мир, где рушатся дома,
Где на куски детей тротилом разрывает,
Где близких предают, лишаются ума,
Где мутною водой селения смывает.

Собратьев провожать

в кладбищенский покой,

И ощущать, как сам утрачиваешь силы,
И тщетно растирать слабеющей рукой
Всё тяжелее кровь пускающие жилы.
Печально поутру оглядывать лицо,
Как будто прочитать на нем пытаюсь нечто,
И, водочку сменив на кислое вино,
Подбадривать себя и думать —

всё невечно.

Да только нам даны и светлые деньки:

Среди родных, друзей —

душевный пир горою;

Над строчками, что пусть с годами нележки,

Но все-таки еще являются порою;

На солнечных лугах,

на волжском берегу, —

Я с детских лет люблю

глядеть подолгу в воду...

Коль всё сложилось так на прожитом веку,
Умей благодарить погоду и природу.
Послушай, как в кустах соловушка запел,
Да полюбуйся вновь закатом разноцветным...
И если ни к петле, ни к пуле не успел,
То Бога не гневи уныньем беспросветным.

2010

Вспомнилась былая смута
После избранного шага.
...Было три литинститута —
Институт, Москва, общага.
В первом кое-что учили,
Жизни во втором учились,
В третьем душеньки лечили,
Основательно лечились.
Первый привлекал не слишком,
Тесновато в нем казалось
Чувствам нашим и мыслишкам,
Часто мучила усталость.
Вот Москва — другое дело,
В ней жилось тогда просторно,
Забирала нас всецело —
Празднично, влюбленно, вздорно.
В небо храмами взлетала,
Пенилась хорошим пивом
И соблазнами пытала
И своим печатным дивом.
А в общаге всё мешалось:
Водка, пиво, наши строки, —
Может, здесь-то и решалось,
Кто из нас «войдет в пророки».
Сколько выпито и спето,
Сколько выплеснуто было
В яростное время это,
Что рождало и губило.

Было три литинститута
И, наверное, осталось,
Хоть, пожалуй, слишком круто
С нами время рассчиталось.
Вышли мы походкой твердой
После трех учений славных,
Впереди же был четвертый
Вуз – главнейший среди главных.
Тот, который так знакомо,
Очень просто – *жизнью* звали,
И единого диплома
Здесь уже не выдавали.

2010

* * *

Через всю Россию, прямо к небу,
Нищего протянута рука,
Был бы рад он и простому хлебу,
Черному куску — наверняка.
Впрочем, рад —
 звучит, пожалуй, глупо,
Разве право жить лишь только в том,
Чтоб набить свою утробу тупо
И вполне довольным быть притом.
Нищий — возле рынка иль вокзала,
У дороги той, которой нет, —
В нем судьба недобрая связала
Многое на сломе смутных лет.
Тянется рука средь бездорожья,
Бессердечья стылого, как лед...
Бог спасет?..

 Но только милость Божья
К миру нищих духом не сойдет.

26 ноября 2010

НЕАТОМНАЯ БЫЛЬ

И попал он к лягушке в болото...

.....

Вскрыл ей белое царское тело

И пустил электрический ток.

.....

И улыбка познания играла

На счастливом лице дурака.

Ю. Кузнецов. Атомная сказка

Эту сказку я помню, и даже

Принял к сердцу *иные слова*,

Только время

продвинулось дальше,

И другая канва не нова.

В наши годы не слышал, а видел

Я такое —

бездомный Иван

Безо всякого жребия выдал

Свой,

отличный от сказочных, план.

Он лягушку нашел у помойки,

Где в заброшенных рылся вещах

После дикой вчерашней попойки,

От которой едва не зачах.

«Черт возьми! —

несуразное что-то

Промелькнуло в дурной голове, —

Здесь, лягушка, тебе не болото,

Чтоб резвиться на мокрой траве».

Разведя костерок из бумаги,
В глотку вылил хмельной опохмел
И с недюжинной долей отваги
Он поджарил царевну
и съел.

Даже хрустнуть она не успела
На Ивановых жадных зубах,
Было мягким лягушечье тело,
И дымком закусон этот пах.
Вот и ладно,
«покушал и клюнул»,
Что и нужно-то для дураков.
...Вытер грязные губы и сплюнул
Бесполезную мудрость веков.

2010

* * *

Как слепые, дрожащей толпою
Мы рванулись к заморским дарам,
Увлекая других за собою,
Не предвидя трагедий и драм.
От околиц и сельских проселков,
От земли, —

от станка и сохи, —

В пустоту роковых кривотолков,
Выдающих за святость грехи.
Наши руки утратили прочность
Ремесла,

что копили века,

И наполнила души порочность,
На дичание нас обрекла.
То, что виделось волей высокой,
Чем предстало —

уже не поймешь...

Всё боялись мы правды жестокой,
А сгубила жестокая ложь.

15 октября 2009

* * *

Чингисхановы правнуки землю обжили окрест,
И от них не избавят сполна ни молитва,
ни крест.

Может быть, оттого и не знаем, куда нам идти,
На Восток иль на Запад, —
взаимовраждебны пути.

И безмерное буйство к трактирам зовет и резне,
И с величием холуйство
смешалось в родимой стране.

И отринуть пытаемся, только неведомо что,
И уже примиренно,
покорно взираем на то.

И в славянских глазах
полыхает азийский огонь,
И судьба наша —
цепь роковых и кровавых погонь.

30 декабря 2008

Памяти Георгия Бязырева

Какая, к черту, нам теперь гульба,
Когда всё чаще сходки на могилах, —
Пытает или милует судьба
Уходом в бездну сострадалыцев милых?
Состихотворцев, что в иных годах,
На сквозняках столичных и районных,
За совесть жили, позабыв про страх,
Не распуская воплей похоронных.
Соратники мои, теперь уже
Не обойтись без тягостных мгновений,
Сегодня в холодеющей душе
Всё меньше бесшабашных откровений.
И наши роли отданы другим,
Да мы и не играли, просто жили,
Взахлеб дышали самым дорогим
И слову, точно родине, служили.
Кто пеплом разнесется высоко,
Кто в глинозем провинциальный ляжет, —
Хоть говорить об этом нелегко,
Но кто иной о близких братьях скажет.
Остаться бы не только на листе,
А унести всех наших лет приметы
В пылинке на мерцающем хвосте
Случайно пролетающей кометы.

13 июля 2010

Я не вобрал салонную культуру,
Зато провинциальную халтуру
Сполна постиг, и в этом есть резон,
Куда рванешь в своей районной нише,
Не слишком-то подынешься повыше,
Поскольку жизнь твоя —
отнюдь не сон.

Всё впитано с картошкой и водкой,
Меж первой, второй и энной соткой,
Когда сходила разговоров нить
На женщин и начальников,
а после
Внезапно останавливалась возле
Проблемы — дальше пить или не пить?

Не о Шопене или Тициане
Мы рассуждали,
а в привычном плане
Решали проще творческий процесс —
Всё гениальней с каждой новой дозой
Был каждый, кто поэзией и прозой
Хотел набрать среди собратьев вес.

Но шли мы от природы, постиженья
Любви, свободы, веры,
обнаженья
Тревожных душ на утренних ветрах;

Предаться бы сегодня вольному
Порыву,

да какие шалости?..

Пришел на смену алкогольному
Синдром хронической усталости.
Покуда освежались водочкой,
Подпитывали душу грешную,
Жизнь легкою крутилась лодочкой,
Не тыкаясь в траву прибрежную.
Теперь же,

резвостью придавлены,

В уныние впадаем долгое,
И дни, что для прозрений дадены,
Бесплодие сулят недоброе.
И множит состоянье скверное
Мысль,

от которой век не пенится, —
Что это времечко неверное
Уже ничем другим не сменится.

2010

* * *

Терпенье русское, оно
Во все былые времена
Бросало столько раз на дно
И подымало вновь со дна.

Судьбинный этот приговор,
Что сеял мужество и страх,
Никто не понял до сих пор
И не преодолел в веках.

Случалось, правда, иногда —
Вставал народ и всех крушил:
Когда ломала Русь орда
Иль гнет властителей душил...

А после снова та же боль,
И преклоненная глава,
И со своей душою бой,
Всем прочим видимый едва.

6 декабря 2010

Как случилось и что приключилось, —
Не похмелье, не бред, а страшной, —
Словно разом душа облучилась
Чернотой наползающих дней.
В неотвязно привязанной Вязьме,
На смоленской земле смоляной,
Все мы точно в болоте увязли,
Ощущая загробье спиной.
И сошлась до больницы, до койки,
До движения пальцев и глаз
Жизнь шальная Шипилова Кольки,
Что висела на струнке не раз.
...Тяжело для себя обнаружить,
Что немного на свете людей,
Так способных Вселенную слушать
И в ладони ловить лебедей.
Постигая больные уроки,
Даже падая навзничь на дно,
Уместить в приземленные строки
Столько неба немногим дано.
Ты оставил нам свет соучастья,
Дар, который причастью под стать, —
Как в минуты безмерного счастья,
Улыбаться и слезы глотать.

2007 – 2010

* * *

Избави бог от смуты презентаций,
Где, словно раб, ты явлен для продажи,
От всяческих чрезмерных агитаций —
Наваренной на этот случай каши.

Пересластят, чтоб все довольны были,
А после водкой сдобрят эту сладость,
Слезу прольют, напустят вдоволь пыли, —
Беда, коль ты при том допустишь слабость.

Всё примешь и всерьез, и умиленно,
И всех благодарить влюбленно станешь,
И большего захочешь вожаденно,
И даже сам себя вполне обманешь.

Губительны приливы этой жажды —
Трибун, столов, тщеславий сотрясенье...
Но торжества кончаются однажды,
И, значит, есть надежда на спасенье.

11 ноября 2010

Славы добиваться нужно?..
Да, простите, перед кем
Нынче пыжиться натужно
В ярости корыстных тем;
Морду втискивать в экраны,
Строчки в Интернет совать.
Строить планы или в кланы
«Сострадальцев» созывать;
Заполнять собой пространство,
Наполнять собой эфир,
Трезвость воспевать и пьянство,
Самогонку и кефир;
Женщин соблазнять строкою,
И особенно девиц,
С устремленностью такую
Доходить до высших лиц;
Выдавать им посвященья,
Обращения кропать,
Отвращенье восхищенья
Страстно преодолевать, —
В мире всё довольно ясно:
Где мурло, где светлый лик...
И не скажешь громогласно:
«Авва Отче, я — велик?!»

13 октября 2010

Как быстро мы состарились, увы,
Нет палача безжалостней, чем возраст,
Что не лишает сразу головы,
А лишь в костер подбрасывает хворост.
И в том костре сгорает жизнь твоя:
Года и чувства, замыслы и силы...
Блестящая когда-то колея
Позаросла,

и дни твои унылы.

Задумчивые сверстники мои,
Мы не сломались и не обветшали,
Но там, где раньше пели соловьи,
Теперь — синицы на морозной шали.
А вёсны остаются для других,
Которые любовью их встречают
И бережно в объятиях своих
Таких же юных суженых качают.
А нам еще осталась благодать —
Шуршать листвой опавшей,
первым снегом
И с нежностью последней обладать
Родной землею и родимым небом.

31 декабря 2009

Надо правду открыть, но кому эта правда нужна?..
Скажут – лучше бы денег,
 чтоб вовсе не думать о прочем, –
До чего докатилась печальная наша страна,
Та, которую строили
 вместе крестьянин с рабочим.
Неужели они гегемоны минувших времен, –
Может, попросту кто-то
 их выдумал и слицемерил?
Если б не был я в этой стране уходящей рожден,
Той же, нынешней, меркой,
 возможно бы, прошлое мерил.
Эти годы как будто еще не совсем далеко,
Но так быстро и подло
 мы с ними уже распрощались.
Что же с правдой теперь?
 С нею было всегда нелегко,
Но с презреньем таким,
 я не помню, чтоб с ней обращались.
Присягали России, по Азбуке и Букварю
Русской речи учились,
 не чуя в грядущем потерю.
Я о том вспоминаю,
 о жизни *своей* говорю,
Только даже себе
 в этой смуте безумной не верю.

* * *

Я не накоплю родового наследства,
Как это ни пробовал бы, ни решал,
Век — словно мужик из далекого детства,
Что водкой и куревом смачно дышал.
С чего бы он вспомнился,

даже не знаю, —

Наверное, образ остался живой,
Коль я и сегодня его вспоминаю,
Он был и чужой,

и немножечко свой.

Рабочий, в остатках каких-то опилок,
Легко, мимолетно со мной пошутил,
Слегка потрепал мой вихрастый затылок,
Конфетою только вот не угостил.

2010

* * *

В домишке, где бабушка держит иконку в углу,
В церквушке,
 что чудом одним сохранилась на свете,
Бог — всюду, везде, где живет противление злу,
Он в мире тревожном
 за всё вместе с нами в ответе.

Нелепо часами стоять возле храма Христа,
Молитва, она одинаково слышится всюду,
Едва ли найдутся забытые Богом места,
Но каждый однажды, наверное, встретит Иуду.

Да главная всё же не в этом таится беда,
А в том, что в избытке
 неправых судов и проклятий;
Открытые миру навстречу ладони всегда,
По сути, уже беззащитны
 от многих распятий.

2010

* * *

Чтоб выжить через боль и стон
В любой неволе и грязи,
Тюремный выстрадан закон:
«Не верь, не бойся, не проси...»

Там, за колючкой лагерей,
Он, видимо, необходим,
Но почему же всё острее
И здесь, на воле, ощутим?

Кому доверишься в миру,
Где сила царствует и власть?..
Прими жестокую игру,
Чтоб не сломаться, не пропасть.

Страх изгони и растопчи
Перед нахлынувшим зверьем
И, стиснув челюсти, молчи,
Не унижай себя нытьем.

Ужель спасенье для души,
Теперь уже по всей Руси,
Как в темной лагерной глуши:
«Не верь, не бойся, не проси...»?

18 мая 2010

* * *

Стоит Россия в поединке
С грабителями да жлобами,
Торгуют бабушки на рынке
Огурчиками да грибами.
В доперестроечных пальтишках,
В остатках стоптанных ботинок,
В мечтах совсем не об излишках —
О крохах, столь необходимых.
Всё испытали — голод, холод
Поры еще послевоенной.
Век не однажды был расколот
Бедою самой откровенной.
За что — они таким вопросом
Не слишком часто задавались,
А запасались впрок навозом
И над земелькой надрывались.
Но всё же сыновьям и дочкам,
Внучатам копят на подарки,
Хвала огурчикам, грибочкам,
Какие б ни были — приварки.
Всё, что возможно, переселя,
Не станут никогда иными,
И в них еще живет Россия.
...Но горько, что уходит с ними.

30 сентября 2008

Человечество не удалось,
Обожралось оно, опилось,
А с другой стороны —
обнищало.

Может быть,
слишком строго сужу,
И не так на собратьев гляжу,
И не вижу благие начала?

Но суждения эти не я
Выношу,
есть иной судия,
Что пытается нечто исправить,
Да напрасно, как видно, уже,
Если те, кто забыл о душе,
Это даже готовы восславить.

Человек — не деталь,
не предмет,
В нем таился особый завет
На великое таинство роста,
Но отвергнувшим душу
к чему
Призывать и стремиться к тому, —
Обнажится проблема родства.

Тот стаканом, а этот — крестом
Утешается, только потом

Продолжаются дальше поминки...
Человечество не удалось,
Надломилась небесная ось,
И не склеить ее половинки.

20 марта 2010

РАЗДУМЬЯ У ПЕНСИОННОГО ФОНДА

Кончается книжка моя трудовая,
Бумажная вроде, но словно живая,
Конечно, живая, поскольку за нею
Всё то, что постиг и сегодня имею.
Изучена многими кадровиками,
Искручена вдоволь чужими руками, —
По жизни мы вместе упорно ступали,
Обоих нас, в общем, сполна потрепали.
Теперь вот привел обозначенный вектор
Сюда, где известного Фонда инспектор.

Ну что ей потертые эти листочки,
В страницы печатями вбитые строчки?
Но строчки ли? Целые главы романа,
В которых ни капельки малой обмана.
Там — запах металла, здесь — краски газетной,
Ответ на порыв — и порыв безответный,
И слезы, и кровь, и на сердце отметки,
Мои пятидневки, мои пятилетки...
И люди повсюду, рабочие братья,
Объятья горячие, рукопожатья,
Проклятья, что редко, но тоже случались,
Когда мои тропы земные качались.

Кончается книжка моя трудовая,
А жизнь продолжается, век пробивая.
Нет отдыха в ней, если даже заслужен,
Покуда кому-то нередко ты нужен.

Она не вмещается в книжки любые,
Над нею стоят небеса голубые,
Под нею трепещут зеленые травы,
И, может быть, пишутся главные главы.
Не ради успеха, и денег не ради, —
Как первые рифмочки в школьной тетради...

3 августа 2010

Не шофёр, а шоферица,
Не дорога — сущий ад,
Шоферица матерится
После каждой из преград.

Вьется облако над полем,
Бьются мысли в голове...
Для чего себя неволим? —
Побродить бы по траве.

Выбежать в цветное лоно,
Где воистину светло,
А не гнаться по уклону
В недоступное село.

Где когда-то барин русский
Создавал красивый мир,
А сегодня —
 облик грустный
И совсем не Божий пир.

Осознать, но что? — разруху.
Ощутить, но что? — погром,
Где ни глазу и ни уху
Упоенья не найдем.

Лишь очередная драма
Дополняет список драм.

ОСЕНЬ 2010

На станции сойду.

За обветшалым зданьем
Пьют пиво у ларька смурные мужики,
Считая свой удел
трагическим призваньем —
Экспериментом жить рассудку вопреки.

А в садике дымят вульгарные девицы,
Не уличные, но приближены к тому,
Не светские, но всё ж,
наверно, в чем-то львицы,
Прилипшие к житью шальному своему.

Напротив — два бомжа чернее негритосов,
Решишься подойти — надень противогаз,
И лишних никому не задавай вопросов,
Порядок не сулит здесь никакой Указ.

Милиция свое название сменит скоро,
Ну а пока грустит, ей тоже бы пивка,
По площади бежит собак бездомных свора,
Свободна жизнь у них,
но так же нелегка.

Куда приехал я, куда приеду завтра?..
Все наши города что близнецы почти.
Вороны лишь одни еще полны азарта,
Горластая орда, природа их прости.

Борису Орлову

Тот день осенний в настроеньи мерзком
Я не хотел, конечно, проводить, —
Запомнилась пельменная на Невском
И два по сто, чтоб крылья ощутить.

И сразу Питер стал Санкт-Петербургом,
И дождь утих, и высота сошла,
И в ощущеньи всё еще не бурном
Я не спешил вставать из-за стола.

Припомнились ивановские строки,
И собственные набежали вдруг,
И сдвинулись мои земные сроки,
И многое увиделось вокруг.

Я вышел к Мойке и спустился ниже,
Туда, где был уже не в первый раз,
И шаг замедлил — тише, тише, тише...
Потом бродил вдоль речки целый час.

А впрочем, время сразу растворилось,
Как, почему — того понять нельзя,
И мне начало века приоткрылось,
Точнее двух, в раздумья унося.

Я шел великим городом Петровым,
И пушкинским, и гумилевским шел,

И мог согреться лишь стаканом новым,
Поскольку вывод был весьма тяжел.

И лучшее предвиделось едва ли,
И вовсе мысли доводили до...
Что в разные столетья убивали
Собратьев ни за что и ни про что.

Но я, унынье отгоняя стойко,
Забыв про холод, распахнул пальто;
Ведь всё же были Петербург и Мойка,
Пельменная на Невском, два по сто...

18 октября 2010

Когда утихнет юбилейный звон,
Осядут гости по своим квартирам,
Ты медленно сползешь со всех икон
И тем, кем был, предстанешь перед миром.

Ну а точнее – перед самим собой,
С другими разве чуточку несхожим,
Назначенным на роль свою судьбой
Далеким августовским днем погожим.

Теперь иная подошла пора,
И надо бы, пожалуй, отчитаться
За все порывы легкого пера,
С которым и сегодня не расстаться.

А что сказать?.. Банальные слова:
Жил и любил – других ничуть не боле.
...Как чудно дышат летняя трава,
Деревья... Птицы предаются воле...

И перед этой вечной красотой
Каким открыться таинством ответным?
Ну разве что улыбкою простой,
Поклоном тихим да молчаньем светлым.

2010

* * *

Не будет осени последней
С тяжелым ветром и дождем,
Пусть даже не порою летней
Мой прах накроет глинозем.

Вот год закончится — и новый
Придет с цветущею весной:
И тополиный, и кленовый,
Цветочный, птичий, проливной...

Что бы ни стало, не приемлю
Я холод рокового дня, —
Друзья мои сырую землю
Давно согрели для меня.

2010

* * *

Успокоение — самообман,
Трудно сбежать от больного
и страшного;
В будущем, видно, сплошной туман
У народа, страну потерявшего.

Тщетно в грядущее ищем брод?
Души ломаются самые прочные;
У страны,
потерявшей народ, —
Впереди только прошлое.

2010

* * *

Кто сегодня кому, почему интересен,
На высотах, провалах каких?..
Безголосое время не требует песен
Или просто не слушает их.

Нынче служба – не родине и не искусству,
Нищий гений – смешней дурака,
И какому рождаться великому чувству
На холодной петле поводка?..

В окружении прочном такого уклада,
Не приемлющий это и то,
Выходи, если хочешь, безумец, из ряда
И ступай – не окликнет никто.

27 декабря 2010

Правит не закон, а произвол —
Век пришедший странен и тяжел,
И неясно, кто и где хозяин;
Хищников смердящая орда
Сёла захватила, города,
От столиц до самых до окраин.

А тебе как нынче быть, поэт, —
Для строки ловить звенящий свет,
С тьмою окружающей мириться;
Разделить стакан с тупой толпой
И пойти смиренно на убой,
В ледяном пространстве раствориться?..

Но рябины рдяные вокруг,
На песке мальчишка чертит круг, —
Может, в нем от нечисти спасаясь.
Век тяжел, но разве кто-то нам
Предрекал другой?.. По сторонам
Сам ищи спасительную завязь.

Горсть рябины огненной сорву, —
Видите, пока еще живу,
Всё, что обретал когда-то, помню,
Вовсе не желая быть иным,
Горло соком жгучим и хмельным,
Словно кровью свежее, наполню.

2010

* * *

Как вечности приговор,
Мне видятся снова и снова
Нацеленный взгляд Гумилева
И Блока рассеянный взор.

Нам рваться, метаться, хрипеть,
Слагая напевы больные.
А им всё глядеть и глядеть
Сквозь нас, в поколения иные.

23 декабря 2010

* * *

Красиво жить не запретишь
В такую праздничную осень,
Когда взлетает выше крыш
Листвы пылающая осыпь.

Стоишь в калиновом огне,
Внимаешь вечному пространству
И радуешься тишине,
Любви, сошедшей к постоянству.

Весна еще прильнет к душе,
И лето окружит цветеньем...
Ты много потерял уже, —
Будь счастлив каждым обретеньем.

20 ноября 2010

Я стихотворец окраины русской,
Или – привычней – певец
Жизни тревожной, затерянной, грустной,
Часто пропащей вконец.
От синяков да царапин и цыпок
Детских отчаянных дней,
Бабушек-дедушек добрых улыбок,
Хмурых прищуров парней;
От огородов с картошкой, луком,
Свеклою да чесноком –
Всем, что к земным приобщало наукам, –
Вышел я в мир с рюкзачком.
В школьные годы, где были заботы –
Вырасти, на ноги встать,
Чтобы, как батька, под вечер с работы
К дому вразвалку шагать.
Были потом и заводы, и стройки,
Волга, Байкал и Кузбасс,
И ниоткуда возникшие строки –
Странный душевный запас.
Всё ли сказал я словами, делами
Строго отмеренных дней?
...Вот и закатное видится пламя
По-над Заволгой моей.
В нем потихонечку таю, стораю,
Хоть продолжаю свой путь...
Не изменил я родимому краю,
И не жалею ничуть.

Время всё той же нелегкой нагрузкой
Жизнь продолжает пытаться.
Я стихотворец окраины русской,
Некуда мне отступить.

30 мая 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
«Где еще искать участие...»	4
«Девяностые годы сменили года нулевые...»	6
«Хватало и святых, и ратников...»	7
«В чем и какие могут быть опаски...»	9
«Быть может, и не затуманишься...»	10
«Не спрячешь грех под сеточкою век...»	11
«Ромашки да клевер в глубоких заволжских лугах...»	12
«Поминаем друзей, поминаем...»	14
Назидание	15
«Вспомнилась былая смута...»	17
«Под окнами нашей вселенской общаги...»	19
«Через всю Россию, прямо к небу...»	20
Неатомная быль	21
«Как слепые, дрожащей толпою...»	23
«Чингисхановы правнуки землю обжили окрест...»	24
«Век идущий уже предостаточно драм...»	25
«Какая, к черту, нам теперь гульба...»	26
«Я не вобрал салонную культуру...»	27
На могиле друга	29
«Предаться бы сегодня вольному...»	30
Собратьям	31
«Терпенье русское, оно...»	32
«Как случилось и что приключилось...»	33
«Избави бог от смуты презентаций...»	34
«Славы добиваться нужно?...»	35
«Как быстро мы состарились, увы...»	36
«Что страшнее – не знаю...»	37
«Надо правду открыть, но кому эта правда нужна?...»	38
«Я не накоплю родового наследства...»	39

«В домишке, где бабушка держит иконку в углу...»	40
«Чтоб выжить через боль и стон...»	41
«Стоит Россия в поединке...»	42
«Человечество не удалось...»	43
Раздумья у Пенсионного фонда	45
«Не шофёр, а шоферица...»	47
Осень 2010	49
«Тот день осенний в настроеньи мерзком...»	51
«Когда утихнет юбилейный звон...»	53
«Не будет осени последней...»	54
«Успокоение – самообман...»	55
«Кто сегодня кому, почему интересен...»	56
«Правит не закон, а произвол...»	57
«Как вечности приговор...»	58
«Красиво жить не запретишь...»	59
«Я стихотворец окраины русской...»	60

Литературно-художественное издание
ГОДА НУЛЕВЫЕ
Хомутов Сергей Адольфович

Редактор *Т.Н. Спирина*
Технический редактор *А.С. Хомутов*
Корректор *Т.Н. Спирина*

Сдано в набор 25.12.2010. Подписано в печать 25.03.2011
Формат 70х90/32. Гарнитура «Newton С». Бумага офсетная.
Усл. п. л. 1,9. Тираж 300 экз. Заказ . Цена договорная.

Издательство «Рыбинское подворье»
152907, г.Рыбинск, ул. 9 Мая, 25-26.

ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г.Рыбинск, ул.Чкалова, 8.